
М. И. АРТАМОНОВ

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ СКИФО-СИБИРСКОГО ЗОЛОТА

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ С. И. РУДЕНКО

1. Гривны и браслеты с втулками и шарнирами

В 1962 г. С. И. Руденко впервые издал замечательную Сибирскую коллекцию золотых вещей, собранную в основном еще при Петре I, но до этого в течение почти 250 лет остававшуюся не опубликованной¹. Ввиду этого Сибирская коллекция не была научно освоена и интерпретирована, тем более что существовали еще и другие непреодолимые препятствия, например отсутствие хронологически определенного сравнительного материала. Находки на Алтае² в изобилии дали такой материал, и естественно, что С. И. Руденко первым использовал его в отношении к сибирскому золоту. В тексте его публикации сибирских золотых вещей дана хронологическая классификация основной части этой коллекции, основанная на сопоставлениях, которые раньше были невозможны.

В прошлом, когда алтайские курганы еще не раскапывались и сибирское золото можно было сравнивать только с находками в сарматских курганах, утвердилось мнение, что оно в целом не только не древнее, но даже моложе найденных в этих курганах вещей с инкрустациями. Попытки углубить хронологию отдельных вещей Сибирской коллекции, основанные на аналогиях с вещами Амударьинского клада³, также оказались не слишком успешными, так как сопоставимые с сибирскими произведениями вещи, имеющиеся в составе этого клада, сами не имели прочной хронологии⁴.

В настоящее время положение существенно изменилось. Алтайские курганы благодаря карбонному и дендрохронологическому анализу полу-

---

¹ С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ, ДЗ-9, М.—Л., 1962.

² С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953; его же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960.

³ O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1905, 2-е изд., 1926. 3-е изд., 1964.

⁴ П. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, 3. СПб., 1891; А. А. Спицын. К вопросу о хронологии сибирских блях с изображениями животных. ЗРАО, XII, 1, 2, СПб., 1901; А. А. Спицын. Сибирская коллекция Кунсткамеры. ЗОРСА, VIII, 1, СПб., 1906; E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913; E. Minns. The Art of the Northern Nomads, 1942; M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia, 1922; его же. The Animal Style in South Russia and China, 1929; J. G. Anderson. Huntig Magic in the Animal Style. BMFEA, 1932; A. Salmony. Sino Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. 1933; H. Kühn. Zum Problem der Chronologie der sino-sibirischen Bronzen. JPEK, 1935; S. J. Rudenko. The Mythological Eagle, the Grython, the Winged Lion and the Wolf in the Art of Northern Nomads. «Artibus Asiae», XXI, 2, 1958; J. F. Haskins. Sarmatian Gold Collected by Peter the Great. «Artibus Asiae», XXII, 1/2, 1959; его же. Tardhyn — the Hero, Aq — Zhunus — the Beautiful, and Peter's Siberian Gold. «Ars Orientalis», IV, 1961.

чили сравнительно твердую датировку, а успехи в исследовании иранского искусства позволили по-новому подойти к давно известным памятникам Амударьинского клада. Опираясь на аналогии в тех и других материалах, вопросы хронологии сибирского золота ныне можно решить уже не путем субъективных впечатлений, а пользуясь приемами сравнительного изучения, начало которому положено С. И. Руденко. Но только начало, так как задача остается весьма трудной и потребует дальнейших усилий специалистов. Далеко не со всеми заключениями С. И. Руденко можно согласиться, да и предлагаемые мной решения задачи не все и не для всех окажутся приемлемыми. В Сибирской коллекции Петра I находится около 250 разнообразных предметов, которые делятся по своему назначению на несколько категорий: поясные застёжки, гривны, браслеты, украшения конской сбруи, статуэтки, сосуды и др. Естественно, что рассмотреть все их в одной статье невозможно⁵. Поэтому сначала я остановлюсь на одной группе золотых вещей этой коллекции — на довольно многочисленных гривнах и браслетах, нередко украшенных по концам скульптурными изображениями животных, представленных только головой или целой фигурой, а иногда даже сценой из двух и более фигур. Одни из них согнуты из проволоки различной толщины, другие из трубок. И те и другие имеют форму либо кольца с несомкнутыми, или, с заходящими друг за друга концами, либо спирали, состоящей из нескольких витков. Гривны из трубок чаще всего собраны из нескольких напаянных друг на друга колец, завершающихся сверху полукольцом.

Жесткая структура гривен и браслетов из трубок вызывает необходимость в специальных устройствах, с помощью которых можно было бы надевать их на шею или на руку. С этой целью они делаются разъемными. Имеются два способа скрепления разъемных частей — втулка и шарнир. При первом из них разъемные части образующих окружность трубок соединяются между собой деревянным стержнем соответствующей толщины, на который они насаживаются своими смежными концами. С целью подстраховки такое крепление нередко дополняется цепочкой, соединяющей смежные концы посредством припаянных к каждому из них колечек.

Шарнир устраивается в виде петель по концам каждой из соединяемых частей с таким расчетом, чтобы петли одной из них входили в промежутки между петлями другой. В эти петли пропускается вертикальный стержень, у одного края съемной части обычно расклепанный на концах так, чтобы она, вращаясь на нем, могла быть отведена в сторону при надевании гривны или браслета, а с другого — составляющий запор, который легко вынимается из петель и для предохранения от потери прикреплен цепочкой к трубке.

Примером гривны из двух соединенных втулкой частей может служить, пожалуй, самый замечательный образец подобного рода предметов во всей Сибирской коллекции. Это гривна из золотого полого кольца с заходящими друг на друга концами, украшенными скульптурными фигурками львиных грифонов⁶. Она состоит из двух половин, соединившихся между собой деревянной втулкой и цепочкой между колечками, напаянными на смежных концах трубки. Противоположные заходящие друг на друга концы трубки с насаженными на них фигурками грифонов скреплены между собой вертикальным гвоздиком.

Каждая фигурка грифона отлита из двух спаянных половинок и имеет отдельно изготовленную голову. Это крылатые львиные грифоны, представленные в динамической позе — лежащими в готовности к прыжку. У них оскаленная пасть на вытянутой голове, козлиные рога с чашечками на концах, изогнутые крылья и изгибающийся хвост. Все части фигуры

⁵ Часть застёжек из этой коллекции мною рассмотрена. М. И. Артамонов. Композиции с ландшафтом в скифо-сибирском искусстве. СА, 1970, 1.

⁶ Сибирская коллекция, табл. XVII.

обильно уснащены гнездами для инкрустаций; глаза, складки на морде, рога, чешуеобразная грива, крылья, ребра, бедро, хвост были покрыты вставками из бирюзы, отнюдь не нарушающими, а, наоборот, выделяющими формы зверя. Вдоль крыльев эти вставки листообразны, на ребрах — в виде дуг, а на бедрах — в виде кружка с криволинейными треугольниками по сторонам. Близкое сходство этих фигурок с грифонами на браслете из Амударьинского клада⁷, а через него с изображениями львиных грифонов, выложенных цветными кафелями на стенах дворца в Сузах⁸, не оставляет сомнений в ахеменидско-персидском происхождении рассматриваемой гривны, а равным образом и в ее дате — V в. до н. э., что было установлено еще Е. Придиком⁹.

Не менее замечательна вторая гривна из той же коллекции, согнутая из массивной трубки в кольцо с заходящими друг на друга концами, украшенными литыми фигурками львов¹⁰. Она тоже состоит из двух половинок, соединявшихся деревянной втулкой. Львы здесь представлены тоже лежащими, с головой на вытянутых передних лапах, но с более сжатыми формами, чем грифоны предшествующего экземпляра. И здесь фигуры животных покрыты гнездами для несохранившихся инкрустаций, условными формами передающими гриву, ребра, мускулатуру бедер, детали морды и изгибающегося хвоста, заканчивающегося головкой грифа. Среди инкрустаций преобладают сравнительно крупные фигуры — полукружия с вогнутым основанием, криволинейного треугольника и так называемой запятой — листовидной фигуры с изогнутым острым концом, распространенной в алтайских изображениях, с которыми львы на гривне сближаются и рядом других признаков, например формой уха с завитком в основании, трактовкой лап с длинными пальцами и др.¹¹ Это несомненно изделие местных сибирских мастеров, представляющее собой переработку не слишком отдаленного переднеазиатского образца, относящегося, вероятно, к тому же времени, что и Пазырыкские курганы на Алтае, т. е. к V — IV вв. до н. э.¹²

Во 2-м Пазырыкском кургане, относящемся к концу V — началу IV в. до н. э., найдены части гривны, состоящей из изогнутой медной трубки, в концы которой вставлялись вырезанные из рога и покрытые золотом рельефные фигурки львиных грифонов с козлиными рогами, лежащих один за другим по три с каждой стороны¹³. И эта гривна и в особенности украшавшие ее львиные грифоны являются свободным воспроизведением того типа ахеменидско-персидских гривен, прекрасным примером которых является рассмотренная золотая гривна с грифонами на концах из Сибирской коллекции Петра I. Роговые наконечники, составляющие значительную часть окружности пазырыкской гривны, делали ненужным специальное устройство для ее надевания — они вставлялись в концы согнутой дугой трубки тогда, когда она находилась уже на шее, и замыкали ее спереди. Однако по принципу своего устройства пазырыкская гривна сближается с трубчатыми гривнами из двух половинок на втулке.

В Сибирской коллекции имеется еще несколько гривен из трубок со съемной частью на втулках. Они отличаются от вышерассмотренных гривен, состоящих из двух частей, соединенных одной втулкой, тем, что съемная часть их, составляющая примерно треть окружности, скреплялась двумя втулками. Особо следует отметить, что среди них нет гривен в виде кольца с заходящими друг на друга концами, какими являются

⁷ O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1964, табл. 1, 116.

⁸ SPA. London — New York, 1938.

⁹ Е. М. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, 31, СПб., 1911, стр. 11.

¹⁰ Сибирская коллекция, табл. XVI.

¹¹ С. П. Руденко. Культура населения Горного Алтая, табл. LXII, 7; LXIII, 5, 6; CIX—CXI и др.

¹² Там же, стр. 342 сл.

¹³ Там же, рис. 79; табл. XXIX, 1, 2.

гривны с одной втулкой; по сравнению с последними они упрощенного устройства: вместо заходящих концов на основной обруч гривны сверху напаяно полукольцо с изображениями животных на концах.

Примитивно-варварский характер этих гривен особенно отчетливо выявляется в украшающих их изображениях. На одной из них по концам полукольца представлены фигуры лежащего с поджатыми ногами животного. У него круглые глаза, маленькие треугольные уши, шеи нет, голова непосредственно примыкает к плечам. Плечи и бедра обведены рубчатыми поясками, а ребра обозначены дугами с такими же поперечными рубчиками. Длинный хвост из крученой проволоки зигзагами извивается позади фигуры над стержнем гривны¹⁴. Того же рода и другая гривна, у которой полукольцо украшено схематическими головками животных на длинных наконечниках, орнаментально трактованных заштрихованными чешуйками¹⁵.

Кроме гривен из одного кольца с полукольцом в Сибирской коллекции имеется гривна из двух напаянных друг на друга колец и тоже с полукольцом наверху¹⁶. Другая маленькая, детская гривна состоит из двух колец с фигурками животных между ними¹⁷. Обе гривны на втулках, а изображения у них характеризуются теми же чертами грубости и схематизма, как и на гривнах из одного кольца с полукольцом. У первой из этих гривен по концам полукольца помещено по неопределенной головке на длинном, украшенном рядами петлеобразного узора наконечнике, а у другой между кольцами — две фигурки лежащих зверей, в орнаментальной трактовке голов которых много общего с головкой зверя на длинном наконечнике, покрытом заштрихованными чешуйками.

Для определения времени бытования гривен из одного кольца с полукольцом и с разъемной частью на втулках большое значение могла бы иметь медная, обложенная золотом гривна из раскопанного С. В. Киселевым Каракольского кургана на Алтае, если бы была точно известна ее форма. Как и гривна из 2-го Пазырыкского кургана, она была украшена по концам резными, в данном случае не из рога, а из дерева, но тоже обложенными золотом головками зверя — тигра или барса с характерным загнутым кверху спиральным ухом, а вдоль наконечника — узором из изгибающихся поперечных полосок¹⁸. Трактовкой уха эта головка сближается с фигурками лежащих зверей между кольцами одной из рассмотренных выше гривен Сибирской коллекции, а ее орнаментированный наконечник соответствует того же рода наконечникам описанных выше гривен из одного или двух колец с полукольцом и съёмной частью на втулках.

С. В. Киселев, нашедший гривну Каракольского кургана в сильно разрушенном виде, описывает ее как спиральную¹⁹, т. е. сходную с ранними гривнами в виде окружности с заходящими друг на друга концами. Стилистически изображение на этой гривне, несомненно, древнее изображений на сибирских гривнах в виде кольца с полукольцом или двух колец и, судя по сходству других вещей из Каракольского кургана с находками в алтайском же кургане Шибэ, расположенном поблизости от Каракола выше по р. Урсуну, относится еще к IV в. до н. э.²⁰ Принимая во внимание большую схематичность и грубость соответствующих изображений на гривнах Сибирской коллекции сравнительно с каракольской находкой, их надо датировать более поздним временем — III в. до н. э.

¹⁴ Сибирская коллекция, табл. XI, 6.

¹⁵ Там же, табл. XVIII, 2.

¹⁶ Там же, табл. XI, 7.

¹⁷ Там же, табл. XVIII, 1.

¹⁸ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, табл. XXXII, 7, 8.

¹⁹ Там же, стр. 192.

²⁰ М. П. Грязнов. Раскопки княжеской могилы на Алтае. «Человек», 1928, 2—4, стр. 217 сл.: хронология установлена на основе радиоуглеродного анализа в лаборатории ЛОИА АН СССР.

Эта дата подтверждается находкой золотой гривны того же типа, т. е. в виде кольца с полукольцом и съёмной частью на втулках в сарматском кургане № 2 у деревень Карчажинской и Черноярской на р. Миассе²¹ вместе с железным наконечником копья, который К. Ф. Смирнов относит к IV — III вв. до н. э.²² Украшений, вставлявшихся в концы полукольца, у нее, к сожалению, не сохранилось.

Украшения на рассмотренных сибирских гривнах, относящихся приблизительно к III в. до н. э., стилистически не отличаются от гривен той же коллекции, но с другим устройством, а именно со съёмной частью не на втулках, а на шарнирах. Они представлены несколькими экземплярами, состоящими не из одного или двух, а из многих (до 10) колец, напаянных друг на друга и завершающихся полукольцом наверху. Смежные концы их основной и съёмной частей укреплены вертикальной обоймой с петлями шарнирного устройства. Концы полуколец украшены схематическими звериными фигурками или головками на длинном орнаментированном наконечнике²³. Судя по стилистическим признакам, их можно отнести к тому же времени, что и гривны из одного или двух колец со съёмной частью на втулках. Однако типологически их следует признать не только более совершенными, но и более поздними.

Своеобразная гибридная гривна на втулках и шарнирах сохранилась только в своей передней части, задняя, большая часть ее, вероятно согнутая из трубки и скреплявшаяся втулками, отсутствует²⁴. Уцелели, собственно говоря, только наконечники, надевавшиеся на концы этой трубки, соединенные между собой шарнирами. Они имеют вид уплощенных, сильно схематизированных баранов с вытянутыми в противоположные стороны передними и задними ногами и поднятой кверху головой с полукруглыми кольчатыми рогами по сторонам, внутри которых находятся гнезда для инкрустаций. По туловищу в два ряда расположены дугообразные гнезда для вставок, означающие ребра. Передние ноги в виде четырехугольного выступа, заканчивающегося петлями шарнира, трактованы продольными желобками, а задние с такими же желобками суживаются к концу и переходят в трубку. Над ними возвышается зигзагообразно изогнутый проволочный хвост, не имеющий ничего общего с бараньим, но зато близко сходный с хвостом тоже сильно схематизированного льва, представленного лежащим на концах полукольца у одной из гривен с втулками²⁵. Разворотом рогов эти бараны напоминают бараньи головки на концах проволочного в три оборота спирального браслета²⁶, который дальше будет рассмотрен в другой связи.

В Сибирской коллекции имеются еще две гривны на шарнирах, выделяющиеся своей оригинальностью. Одна из них представляет собой спираль в три с половиной оборота с концами, украшенными глубокими нарезками со следами инкрустации из бирюзы и стилизованными звериными головками с прижатыми подтреугольными ушами и как бы вырезанными формами морды²⁷. Вторая гривна состоит из двух колец и полукольца, спаянных между собой посредством небольших шариков между ними. Кольца обработаны спиральными желобками, придающими им вид витых, а насаженные на концы полукольца головки львов соединены с ними посредством втулок, состоящих из нескольких колечек разного диаметра с ободками псевдозерни по краям²⁸. Головки эти реалистичны и хорошо моделированы складками на лбу, вокруг глаз и рта, у них мохна-

²¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, рис. 71, 16.

²² К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 73, рис. 41, 19.

²³ Сибирская коллекция, табл. XVIII, 3—7.

²⁴ Там же, табл. XII, 3.

²⁵ Сибирская коллекция, табл. XI, 6.

²⁶ Там же, табл. VII, 4.

²⁷ Там же, табл. XIII, 2.

²⁸ Там же, табл. XIII, 1.

тые уши и разделанная продольными прядями грива. Эти головки представляют собой произведения высокого мастерства и, несомненно, не местного происхождения. Дробная реалистическая разделка их имеет много общего с такими же львиными головками в греческих произведениях IV — III вв. до н. э. Они могут относиться ко времени не раньше эллинистического периода, когда греческое искусство распространилось в Передней Азии и расцвело в Греко-Бактрии. Гривна с львиными головками, или по крайней мере одни только головки, помещенные на ее концах, по-видимому, является одним из попавших в Сибирь произведений греко-бактрийского ювелирного искусства, образцы которого известны и по другим находкам в составе Сибирской коллекции²⁹. Хронология этой гривны имеет решающее значение для установления времени появления в Сибири шарнирного устройства.

Браслеты и гривны с львиными головками имеются в Амударьинском кладе³⁰, но, пользуясь репродукциями, их невозможно сравнить с львиными головками сибирской гривны. К сожалению, неизвестно устройство гривны, от которой в Амударьинском кладе сохранился только наконечник с львиной головкой и такими же гнездами для инкрустации³¹, как у сибирской гривны. Среди полностью сохранившихся гривен и браслетов в амударьинском кладе нет ни спиральных, ни кольчатых экземпляров на шарнирах, основываясь на этом, можно утверждать, что и те и другие появились не раньше III в. до н. э., так как вещи этого клада в основном относятся ко времени не позже IV в. до н. э.

Трубчатые гривны в виде спирали со съёмной частью на шарнирах были известны в Сибири, хотя и не получили там широкого распространения в отличие от Боспора, где, как мы увидим ниже, наоборот, вовсе нет гривен, составленных из напаянных друг на друга колец. Типологически спиральные гривны из трубок с шарнирным устройством занимают место между согнутыми из трубок гривнами с заходящими друг на друга концами и с разъемным устройством на втулках и гривнами с шарнирным устройством, состоящими из наложенных друг на друга нескольких колец и полукольца. Гривны из одного кольца с полукольцом появляются в порядке воспроизведения гривен с заходящими концами и так же, как они, скрепляются втулками. Только с развитием многовитковых гривен на шарнирах возникают и многоколенные гривны тоже с шарнирами, так как крепление разъемной части втулками у многовитковых и многоколенных гривен практически неприменно.

Многовитковые гривны изображены на монетах парфянских царей II в. до н. э. — II в. н. э.³² Такие же гривны у Аполлона-Митры и Антиоха на барельефе из Нимруд-Дага I в. до н. э.³³, а равным образом у «прекрасной одалиски», представленной алебастровой статуэткой в Лувре, датруемой III в. до н. э.³⁴ Совершенно несомненно, что во всех указанных случаях это спиральные гривны на шарнирах, свидетельствующие о распространенности таких украшений в Передней Азии в эллинистическое время. Оттуда они проникали в Сибирь, где воспроизводились местными мастерами с изменениями, соответствующими их вкусам и техническим возможностям. В то же время такие гривны появляются в Европе — во Фракии и на Боспоре, при этом с чертами, определенно исключающими возможность их сибирского происхождения. Во Фракии многовитковые гривны известны по относящимся ко II в. до н. э. изображениям на серебряных фаларах: в одном случае у горельефного женского бюста, а в

²⁹ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, № 1, 2, 5, 12, 14, 15, 23, 24.

³⁰ O. M. Dalton. Ук. соч., табл. XVII, 118; XVIII, 120, 122; XIX, 124; XXI, 119.

³¹ Там же, табл. XXI, 119.

³² SPA.

³³ R. Ghirshman. Iran. Parthians and Sassanians, 1962, рис. 80.

³⁴ A. Champdor. Kunst Mesopotamiens. Leipzig, 1964, табл. 193.

другом — всадника. Оба найдены у с. Галиче в Болгарии³⁵. Согнутые из полых трубок гривны происходят из боспорских курганов на Таманском полуострове — Буеровой могилы, Ахтанизовского и кургана, раскопанного в 1881 г. в г. Анапе, а также из комплексов, известных под названием «кладов» — Казинского в Ставропольском крае и Новочеркасского на Нижнем Дону. Эти гривны представляют собой несколько типов, в общем соответствующих различным формам этих предметов в Сибирской коллекции.

Анапская гривна имеет вид кольца с заходящими друг на друга концами, украшенными астрагалами и головками оленей (ланей) с плотно прижатыми к шее широколопастными рогами³⁶. Она состоит из двух частей, соединенных между собой спереди вертикальным штырем, а позади втулкой и цепочкой между колечками на смежных концах (сохранились только колечки). Типологически эта гривна соответствует наиболее ранней из сибирских гривен — с львиными грифонами на концах, но, судя по сходству оленьих головок с такими же изображениями на несомненно более поздних боспорских гривнах, должна датироваться не раньше конца IV в. К еще более позднему времени, по-видимому, надо отнести гривну Казинского клада, представляющую собой кольцо из толстой, по всей длине оформленной астрагалами трубки³⁷. Разъемная часть ее, составляющая примерно треть окружности, укреплялась втулками и цепочками на колечках. Вероятно, такой же конструкции была другая гривна из того же клада, сохранившаяся лишь частично, во фрагментах. Она тоже была украшена астрагалами, а на концах украшена скульптурными фигурками, представляющими собой лежащего льва, грызущего зажатую между передними лапами голову какого-то животного³⁸. Грубоватая, но реалистическая трактовка этого сюжета, известного в Причерноморье по ряду греческих и греко-скифских произведений, начиная с IV в., указывает на эллинистическое время казинской гривны. Браслеты и гривны с астрагалами появляются в IV в., и представлены находками в Куль-Обе³⁹ и Карагодеуашхе. В последнем из этих курганов имеется золотая массивная гривна, украшенная по концам астрагалами и скульптурной сценой терзания кабана львом, выполненной в том же греко-эллинистическом стиле, что и гривна Казинского клада, но в более артистическом исполнении⁴⁰. По своему устройству на втулках казинские гривны имеют близкие соответствия в Сибирской коллекции, где такого рода шейные украшения, как мы видели, типологически предшествуют гривнам на шарнирах и датируются IV — III вв. до н. э. Казинские гривны тоже не могут быть позже III в. до н. э.

Гривны Буеровой могилы и Ахтанизовского кургана имеют вид плотной многовитковой спирали с концами, украшенными астрагалами и головками животных, и с разъемной частью на шарнирах. Гривна из Буеровой могилы состоит из 6 витков, на ее концах, как и на анапской гривне, головки оленя с хорошо моделированной мордой, длинными острыми ушами и широколопастными рогами, как и уши, плотно прижатыми к шее⁴¹. В Ахтанизовском кургане найдены три таких же гривны⁴². У одной из них, самой узкой — всего в три витка, — на концах головка неопределенного животного с длинной мордой и короткими ушами, у второй,

³⁵ Народный музей в Софии.

³⁶ ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1893, Атлас, табл. 1, 12.

³⁷ Е. М. Придик. Новые кавказские клады. МАР, 34, Пг., 1914, табл. VIII, 5.

³⁸ Там же, табл. VII, 6, 7.

³⁹ Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854, Атлас, табл. VIII, 2.

⁴⁰ А. Лаппо-Данилевский и И. Мальберг. Курган Карагодеуашх. МАР, 13, СПб., 1894, табл. II, 7—9.

⁴¹ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, 37, Пг., 1918, табл. II, 4.

⁴² ОАК за 1900 г., стр. 105, 107, рис. 192, 193, 210; А. С. Спицын. Фалары южной России. ИАК, 29, СПб., 1908, рис. 2, 6, 10, 12.

в шесть витков, головка оленя с прижатыми к шее ушами и рогами и у третьей, в девять витков, — опять безрогого, но длинноухого животного. Моделированы все эти головки грубее, чем на гривне Буеровой могилы, но в том же стиле.

На обороте самой широкой ахтанпзовской гривны нацарапаны греческие буквы, означающие вес предмета, что, по мнению М. И. Ростовцева⁴³, указывает, что она сделана греческим мастером. Это заключение следует распространить и на другие таманские гривны, включая сюда и анапскую, так как стилистически они ничем существенным не отличаются друг от друга и одинаково могли выйти из боспорских ювелирных мастерских, изготовлявших вещи варварского быта в традиционном греческом стиле.

По своему стилю таманские гривны резко отличаются от сибирских и представляют другую, хотя и параллельную сибирской, но независимую от нее линию развития. Замечательно, что среди таманских нет характерных для Сибири гривен, составленных из наложенных друг на друга колец с полукольцом наверху, представляющих собой упрощение многовитковой спиральной гривны, изготовление которой из жесткой трубки являлось сложной задачей, требующей, очевидно, более высокой квалификации, нежели та, которой обладали сибирские мастера. По всей вероятности, сибирские и таманские гривны восходят к общим, иранским образцам, но создавались они совершенно независимо друг от друга в свойственном каждой из этих областей художественном стиле. Таманские спиральные гривны с шарнирами датируются по времени погребальных комплексов, в составе которых они найдены, III — II вв. до н. э., что косвенным образом подтверждает указанное выше время появления шарнирного устройства в Сибири не ранее III в. до н. э.

Подобные сибирским гривны из полых колец на шарнирах известны в Восточной Европе только с начала нашей эры, со времени Новочеркасского клада. Новочеркасская гривна состоит из трех колец, обрамленных в передней части сверху и снизу ажурными фризами из тесно расположенного ряда зверей, повернутых в каждом ряду в противоположную сторону и представленных поочередно с головами, обращенными то вперед, то назад⁴⁴. Все они изображены в высоком рельефе, лежащими на согнутых, преувеличенно когтистых лапах, с поджарым туловищем и с пропущенным между задними ногами изогнутым веревкообразным хвостом. У животных с направленной вперед головой тупая, зубастая морда, которой они кусают за зад находящееся перед ними животное с повернутой головой, заканчивающейся массивным изогнутым клювом. У тупорылых животных шея покрыта несколькими рядами рубчатых полосок, видимо, означающих львиную гриву, у животных с клювом на шее имеется тоже рубчатый поясик. У всех туловище покрыто косыми бороздками, означающими ребра; на плече и бедре у каждого крупные вставки бирюзы, бирюзой же инкрустирован круглый глаз и пристроенное к нему сбоку большое семечкообразное ухо с острым концом. В основе этих изображений, по-видимому, лежит образ грифона — львиного и орлиного, но утратившего свой основной признак — крылья.

Новочеркасская гривна отдаленно напоминает гривну на шарнирах Сибирской коллекции, тоже состоящую из трех полых колец, но не лежащих друг на друге, а отделенных одно от другого ажурными поясами из рядов инкрустированных кружков и ромбов, и украшенную по верхнему краю четырьмя детализированными только с наружной стороны скульптурными фигурками животных⁴⁵. Они обращены к центру гривны и расставлены по две с каждой стороны. Все фигурки одинаковые и представляют зверя, лежащего на согнутых когтистых лапах с приподнятой задней

⁴³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 556.

⁴⁴ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, 3. СПб., 1890, рис. 154.

⁴⁵ Сибирская коллекция, табл. XVIII, 8.

частью туловища, поднятой головой и оттянутым назад длинным хвостом с загнутым концом в виде головки грифа. У них голова с выступающим лбом, щелевидными глазами, выделенным носом, овальным ртом и торчащими ушами; шея отделена от туловища рельефной полоской, на туловище тремя бороздками показаны ребра, бедро отделено закругленной выемкой. Вдоль шеи и спины протянут рубчатый пояс, таким же образом подчеркнуты нижние линии туловища и лап.

Несмотря на некоторое сходство в позах, фигурки животных на сибирской и новочеркасской гривнах существенно различаются между собой. Стилистически они не имеют ничего общего друг с другом и не могут быть поставлены в сколько-нибудь определенную связь между собой. Вместе с тем фигурки на сибирской гривне не имеют близких соответствий и среди других произведений в той же, что и они, Сибирской коллекции, хотя некоторыми приемами моделировки, например закругленной выемкой у бедра, и напоминают волка в схватке со змеей на ажурной четырехугольной застежке в широкой рамке с треугольными выемками для инкрустаций⁴⁶. Сибирская гривна производит впечатление более ранней, чем новочеркасская, во всяком случае она не моложе II в. до н. э., но может относиться и к III в., так как, судя по приведенным выше данным, именно к этому веку может относиться появление шарнирного устройства.

Во II в. до н. э. шарниры полностью вытесняют втулки как способ крепления растворной части гривен. В это время шарниры применяются для соединения частей и таких предметов, как диадемы и браслеты. Широкой известностью пользуется трехчастная на шарнирах диадема Артюховского кургана, относящегося ко II в. до н. э.⁴⁷ Не менее знаменита диадема Новочеркасского клада конца I в. до н. э. или начала н. э.⁴⁸ Браслеты с шарнирами получают распространение в позднейшее время. Из ранних известен только один золотой браслет этого рода из местности Дуздак бывш. Сырдарьинской области⁴⁹. Он состоит из двух соединенных шарнирами частей и образован двумя массивными кольцами, между которыми на каждой половине помещено рельефное ажурное изображение коня с подогнутыми ногами и перевернутой задней частью фигуры. Голова его на вытянутой шее мордой касается земли. В отличие от моделированного гладкими, отделенными друг от друга выпуклостями тела животного голова его трактована рельефными ободками, обводящими удлинённый глаз, ноздрю и рот. Торчащее над головой остроконечное ухо и разделенная на части выемками грива вдоль шеи были, как и глаз, украшены вставками из бирюзы. Листовидные, несоразмерно большие копыта также были инкрустированы бирюзой. По сторонам шарниров края створок браслета украшают круглые и треугольные инкрустации из того же камня. Этот браслет был найден вместе с другим, проволочным браслетом с фигуркой фантастического зверя на каждом конце, в связи с рассмотрением которого целесообразнее решать и вопрос о времени находки в целом.

Но прежде этого следует отметить, что подобные дуздакскому широкие ажурные браслеты известны по находкам в Пакистане⁵⁰. Один такого рода браслет хранится в Пешеварском музее, а другой в Кельне (Римско-Германский музей). Так же как и браслет из Дуздака, они состоят из двух створок на шарнирах, но ободки у них плоские с орнаментом из инкрустированных треугольников. На каждой створке по ажурному изображению зверя, припавшего на передние лапы, но с высоко поднятым поджарым задом, вокруг поднятой головы обвивается змея. По узким сторонам створок рельефные головки зверей в фас, по три с каждого края. По сюжету изображения на створках напоминают сибирские за-

⁴⁶ Там же, табл. XII, 4, 5.

⁴⁷ ОАК за 1880, СПб., 1882, Атлас, табл. 1, 1.

⁴⁸ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Ук. соч., рнс. 152, 153.

⁴⁹ Сибирская коллекция, табл. XII, 2.

⁵⁰ K. Jettmar. Die frühen Steppenvölker. Baden-Baden, 1964, стр. 183.

стежки со сценой борьбы волка со змеей, но стилистически они отличаются от них прежде всего совершенно необычным для сибирских застежек обильным применением инкрустаций в их, так сказать, классических формах, а именно в виде кружка с криволинейными треугольниками на плече и бедре животных и широкой скобки на ребрах. Такие формы инкрустаций характерны для Амударьинского клада, а в Сибири известны только у наиболее ранних гривен с фигурами грифонов и лежащих львов на концах. Иетмар датировал пакистанские браслеты II в. до н. э., что, принимая во внимание моделировку изображений и наличие шарниров, вполне вероятно. Вероятна и указанная им связь этих браслетов с Греко-Бактрией с той, однако, поправкой, что эта страна была не посредником в передаче форм искусства сибирских кочевников в Пакистан, а частью восточноиранского очага их формирования, распространявшего свое влияние и на Пакистан и на степи Евразии. Важно подчеркнуть, что классические формы инкрустаций, созданные в этом очаге в V — IV вв., продолжали в нем применяться и позже без существенных изменений, в связи с чем находится появление их в сарматском искусстве в то время, когда в Сибири они были уже заменены другими, среди которых наиболее распространенными стали листовидные инкрустации⁵¹.

2. Проволочные гривны и браслеты

Большинство браслетов и гривен в течение всего времени их существования делалось из различной толщины проволоки в виде колец с несомкнутыми или с заходящими друг на друга концами или же спиралей с тем или иным числом оборотов. Они различаются между собой главным образом украшениями на концах, отлитыми отдельно и затем напаянными на них. К наиболее ранним образцам проволочных гривен в Сибирской коллекции относится спиральная гривна в три оборота со скульптурной фигуркой лежащего льва на каждом конце⁵². В соответствии с толщиной стержня гривны фигура льва сильно сжата, передние лапы его протянуты под длинной шеей, а задние с едва возвышающимися бедрами подогнуты под брюхо. Тело зверя завершается длинным, раздваивающимся хвостом, заканчивающимся головкой ушастого грифа. Тупая морда хищника детализирована выделенным носом, мохнатыми губами и обведенными ободками удлинненными глазами, инкрустированными черным стеклом; сравнительно большие уши подтреугольной формы оформлены выемкой для инкрустации из бирюзы. Шея трактована изогнутыми прядями гривы с узкими гнездами для вставок. Выделенные плечи и бедра подчеркнуты инкрустациями, ребра показаны полукруглыми гнездами, на лапах обозначены пальцы. Стилистически фигурки на этой гривне примыкают к скульптурным изображениям львов на концах трубчатой гривны с втулкой⁵³, в свою очередь сближающейся с ахемендской гривной, украшенной крылатыми грифонами⁵⁴. Основываясь на приведенных сопоставлениях, проволочная гривна с львами на концах вполне может быть отнесена к IV в. до н. э.

Того же рода скульптурными фигурками лежащих львов, с утраченной у одного из них головкой, украшен проволочный спиральный браслет из 10 витков⁵⁵. Они тоже моделированы гнездами для инкрустаций в виде «скобок и запятых», которые С. И. Руденко считает верным признаком произведений V — IV вв. до н. э.⁵⁶

⁵¹ М. И. Артамонов. Композиции с ландшафтом.

⁵² Сибирская коллекция, табл. X, 3, 4.

⁵³ Там же, табл. XVI.

⁵⁴ Там же, табл. XVII.

⁵⁵ Там же, табл. XVIII, 4, 5.

⁵⁶ Там же, стр. 32 сл.

Стилистически близко сходна с этими гривной и браслетом еще одна пара проволочных браслетов в виде спирали из 7 витков⁵⁷. На концах их напаяно тоже по очень сжатой фигурке лежащего хищника с выделенными лопатками и бедрами, но с менее детализированными, чем на гривне, другими частями тела и без гнезд для инкрустаций, хотя и с нарезками на соответствующих местах. Эти браслеты, вероятно, более поздние, чем гривна, но едва ли очень далеко отстоят от нее. Две пары проволочных спиральных браслетов отличаются тем, что концы их украшены не отдельными фигурками зверей, а сценами, состоящими из двух или трех животных. Так, на одной из этих пар браслеты из 11 витков заканчиваются очень сжатыми изображениями головы оленя, выступающей из пасти заглатывающего его хищника. Эта голова представлена в довольно детальной моделировке: у нее мягкие губы приоткрытого рта, удлинению треугольные глаза и прижатые к длинной шее уши и рога, причем последние имеют форму лопасти с двумя треугольными выступами вдоль верхней длинной стороны. Голова зверя, в пасти которого она находится, охарактеризована выделенным носом, удлинёнными глазами и маленькими острыми ушами. Туловище его позади гладкой шеи испещрено нарезками, скорее орнаментального, чем изобразительного характера, среди которых, впрочем, еще улавливаются намеки на поджатые ноги⁵⁸.

На другой паре проволочных браслетов из 16 витков на концах представлен тот же, но более усложненный мотив⁵⁹. Здесь из пасти хищника выходит не одна голова, а часть тела оленя с поджатыми под длинной шеей передними ногами с выделенными лопатками. От довольно мягко моделированной головы этого животного вдоль шеи тянутся рога, стилизованные в виде ряда птичьих головок. У хищника большая голова с широко открытой пастью, с загибающейся вниз верхней губой, также же, как у оленя, удлинённые глаза с веками и длинные остроконечные уши с завитком внутри. У него длинное туловище с выделенными плечами и бедрами и плотно поджатые лапы с намеченными нарезками когтями. Тело между ногами покрыто редкими точками. За этим зверем помещен второй хищник, тоже с широко раскрытой пастью с острым выступом над верхней губой. У него выпуклые полукруглые глаза и небольшие треугольные уши. Передние лапы поджаты под шеей, а задние с выделенными, как и плечи, бедрами вывернуты назад. Сверху вдоль них протянут хвост с загнутым кверху кончиком. По бокам туловища дугообразными нарезками показаны ребра, на лапах обозначены пальцы или когти. Сзади этого зверя имеется еще одна голова, обращенная в противоположную сторону. Из рта ее выходит стержень браслета. Она моделирована так же, как и другие головы этой сложной композиции: по сторонам пасти ноздри, глаза удлинённые с веками, уши небольшие, листовидные.

Трудно сказать что-нибудь вполне определенное о времени браслетов со сценами пожирания хищником оленя, но, судя по их стилистическим признакам, они не могут быть позже других описанных в данной группе проволочных браслетов. Существенно отметить, что изображения на наконечниках гривен из наложенных друг на друга колец с шарнирами, относящихся в общем к III — II вв. до н. э., стилистически отличаются от них значительно большей орнаментальностью и схематизмом, что дает основание датировать проволочные браслеты и гривны с изображениями животных на концах в целом более ранним, чем эти гривны на шарнирах, временем. Вместе с тем несомненно, что и проволочные гривны и браслеты не одновременны и что наряду с теми, которые выше отнесены нами к IV в., среди браслетов имеются и более поздние экземпляры, современные гривнам на шарнирах.

⁵⁷ Там же, табл. IX, 3—5.

⁵⁸ Там же, табл. XI, 3—5.

⁵⁹ Там же, табл. X, 2.

Хотя хронология Амударьинского клада и остается спорной, все же установленное Далтоном время находящихся в нем вещей наиболее обоснованно. В состав этого клада, образовавшегося из вещей и монет, скупленных через посредников, могли, конечно, попасть, так же как монеты III — II вв. до н. э., ювелирные изделия того же, что и они, времени, но для выделения их пока что нет никаких оснований. В этом кладе имеется массивный золотой браслет, оформленный в виде двух обращенных друг к другу зверей⁶⁰, которые своими сжатыми, орнаментализованными формами сходны с фигурами на сибирских проволочных браслетах. Если этот амударьинский браслет относится к основному составу клада, то его следует учесть как указание на хронологическую близость с ним сибирских проволочных браслетов и соответственно с этим датировать последние если не IV, то III в. до н. э.

Не может быть полной уверенности в хронологии находящегося в Сибирской коллекции проволочного браслета с заходящими друг на друга концами со скульптурной фигуркой лежащего льва на каждом из них, представленного в обобщенных формах со слегка повернутой в сторону головой⁶¹. Самыми замечательными чертами этого изображения являются, во-первых, четкая грань, отделяющая шею зверя от его туловища, причем на спине она образует двойной, заостренный и слегка изогнутый выступ, и, во-вторых, раздваивающийся хвост с завитком на каждом из концов, охватывающих стержень браслета с боков. Подобная грань между туловищем и шеей имеется у изображения волка в схватке со змеей на паре ажурных застежек Сибирской коллекции⁶², которое по другому признаку, а именно по закругленной выемке у бедра, было сопоставлено с фигурами зверей по верхнему краю гривны с шарнирами, украшенной между кольцами ажурным орнаментом из ромбов и кружков с инкрустациями, отнесенной нами к III в. до н. э.⁶³ Раздвоенный хвост имеется у фигуры лежащего льва на концах проволочной гривны⁶⁴, которая по ряду признаков сходна с ранними трубчатыми гривнами Сибирской коллекции с изображениями грифонов и львов, относящимися ко времени не позже IV в. до н. э. Принимая во внимание все эти соответствия, проволочный браслет с лежащими львами на концах должен датироваться IV—III вв. до н. э., хотя и без достаточной для того уверенности.

Несколько гривен и браслетов Сибирской коллекции украшено по концам головками животных. Наиболее замечательна из них гривна в виде обруча с несомкнутыми, несколько расширяющимися концами с посаженными на них крупными головками, по-видимому, львов⁶⁵. Эти головы с полушаровидными ушами, ребром вдоль лба, с резкими складками вокруг удлиненных глаз, продолжающимися до конца челюсти, с маленьким носом, раздвоенной верхней губой с точками, означающими усы, приоткрытым обведенным рамкой ртом с угловатыми краями и таким же образом выделенными полукружиями на концах челюстей были украшены вставками бирюзы в выемках глаз, ушей и челюстей, а также в прядях гривы, показанной двумя парами гнезд за ушами по сторонам шеи. Моделировка этих головок близко сходна с вырезанными из дерева изображениями животных в алтайских курганах⁶⁶. На наконецнике-шее у гривны Каракольского кургана грива стилизована сходным образом⁶⁷. На основании этих сопоставлений сибирскую гривну с львиными головками можно отнести к IV в.

⁶⁰ О. М. Dalton. Ук. соч., табл. XX, 144.

⁶¹ Сибирская коллекция, табл. VII, 3.

⁶² Там же, табл. XII, 4, 5.

⁶³ Там же, табл. XVIII, 9.

⁶⁴ Там же, табл. X, 3, 4.

⁶⁵ Там же, табл. XV.

⁶⁶ С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая, табл. LVI, 1—3; LXII, 1—4, 7; LXIII, 1, 4—6 и др.

⁶⁷ С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXII, 8.

Другая проволочная гривна в виде спирали в 5 оборотов украшена по концам настолько схематизированными маленькими головками животных, что даже вид их невозможно установить⁶⁸. Общим своим характером они напоминают головки на концах согнутой спиралью трубчатой гривны на шарнирах, концы которой, кроме того, украшены поперечными нарезками со вставками бпрюзы⁶⁹.

Весьма схематичны также головки баранов на концах проволочного браслета в виде спирали из трех витков⁷⁰. У них тонкая морда и изогнутые по ее сторонам рога со слегка отогнутыми кверху концами. Эти головки отдаленно напоминают бараньи же головы на накопечниках гривны с шарниром между ними⁷¹, хотя и сильно стилизованной, но все же относящейся, по-видимому, еще к III — II вв. до н. э. Проволочный браслет с бараньими головками, вероятно, более позднего времени, судя по сарматской аналогии⁷², может относиться ко II—I вв. до н. э.

Определение хронологии золотых вещей Сибирской коллекции встречается с большими трудностями вследствие ограниченности сравнительного материала, который к тому же, в свою очередь, остается в большей части хронологически не определенным. Типологическая и стилистическая классификации, как бы они не были совершенны, сами по себе указаний на время не дают. Они важны для относительной, а не для абсолютной хронологии. Ввиду этого сопоставление сибирских золотых вещей со сходными произведениями из более или менее точно датированных комплексов находок имеет особенно большое значение. Сопоставление гривен на втулках и шарнирах с ахеменидскими и боспорскими памятниками привело к определенным положительным результатам. Подобного же рода сопоставления проволочных гривен и браслетов с соответствующими сарматскими находками, хотя и не имеет решающего значения, будет тоже небесполезным.

Однако прежде чем к этому приступить, следует вернуться к упомянутому выше золотому проволочному браслету из местности Дуздак в Средней Азии⁷³, найденному вместе с растворным браслетом на шарнирах с ажурным изображением повторенного на каждой створке коня. На концах этого проволочного браслета напаяно по литой сжатой фигурке фантастического зверя с вытянутым туловищем, поджатыми под длинной шеей передними лапами и задними лапами, вытянутыми вдоль стержня браслета назад. На его туловище обозначены ребра в виде налегающих друг на друга полуовальных срезов — чешуек, голова его с удлиненными глазами с веками, приоткрытым ртом, обведенным рельефными губами, с выделенным носом, трактованным в виде птичьей головки, и с острыми изгибающимися ушами. Вдоль шеи и спины протянут ряд из восьми птичьих головок с торчащими ушами, круглыми глазами и загнутым клювом. Над задними ногами изгибается длинный хвост с раздвоением, на конце каждого из которых по такой же, как на рогах и на носу, птичьей головке. Общим своим характером и некоторыми деталями этот фантастический зверь сближается с изображениями на концах проволочных гривен и браслетов Сибирской коллекции, а по своему типу он соответствует такому же зверю, представленному в борьбе с тигром на паре ажурных застежек той же коллекции — рог этого зверя тоже составлен из птичьих головок, такими же головками у него заканчиваются хвост и нос⁷⁴. Сходные элементы имеются у изображения и на другой паре за-

⁶⁸ Сибирская коллекция, табл. XIV, 2.

⁶⁹ Там же, табл. XIII, 2.

⁷⁰ Там же, табл. VII, 4.

⁷¹ Там же, табл. XII, 3.

⁷² См. стр. 54.

⁷³ Сибирская коллекция, табл. X, 1.

⁷⁴ Там же, табл. V, 5.

стежек, где представлена борьба тигра с грифом и волком из-за добычи⁷⁵, а равным образом у скульптурных зверей на большой бляхе со скобкой внизу⁷⁶. Все эти произведения относятся ко времени не раньше III в. до н. э. Тем же или несколько более поздним временем следует датировать и дуздакскую находку, чему не противоречит форма другого, найденного вместе с ним двухстворчатого браслета на шарнирах⁷⁷.

Дуздакская находка важна еще и в другом отношении, а именно тем, что подтверждает тесную связь сибирского искусства со Средней Азией. Хотя полного тождества в произведениях, найденных в Средней Азии и Сибири не наблюдается, искусство там и тут развивалось на общей основе и в одном и том же направлении. Тот факт, что в Сибирской коллекции относительно мало вещей, соответствующих произведениям среднеазиатского искусства, представленным в составе Амударьинского клада, и что вместе с тем художественные произведения Сибирской коллекции стилистически тесно связываются с памятниками ахеменидско-иранского искусства, составляющими основной фонд этого клада, нельзя не расценивать как определенное указание на то, что сибирские золотые изделия в общем позже амударьинских находок и что хронологическая граница между ними пролегает где-то в пределах второй половины IV в. до н. э. Замечательно, что и искусство Алтая, теснейшим образом связанное с иранским искусством ахеменидского периода, представляет параллели только для наиболее ранних образцов Сибирской золотой коллекции, большинство произведений которой относится к следующему эллинистическому периоду.

Сарматское искусство нередко ставят в прямую зависимость от сибирского. Действительно, у того и другого имеются определенные соответствия, но они отнюдь не свидетельствуют о зависимости одного от другого. Произведения сарматского искусства отличаются своими специфическими признаками, хотя и развивающимися на одной основе с сибирским искусством, но сближающимися скорее не с сибирскими, а со среднеазиатскими произведениями. Вместе с тем в сарматском искусстве отчетливо выступают элементы скифского и греко-скифского или, точнее, боспорского происхождения.

Одна из наиболее ранних сарматских гривен происходит из 1-го Прохоровского кургана III в. до н. э.⁷⁸ Она согнута из золотой проволоки в три оборота и украшена по концам напоминающими астрагалы валками и псевдосканными поясками, а также головками тупорылого зверя с раскинутыми в противоположные стороны рогами из рубчатой проволоки, скрепленными с головой маленькими шариками. Глаза и уши зверя обведены на одном конце гладкой, а на другом рубчатой проволокой и являются гнездами для инкрустаций. Близких аналогий для этой гривны нет, но некоторыми своими чертами она напоминает сибирские произведения этого рода. Так, напаянные проволочные рога с поперечными насечками в известной мере соответствуют проволочным хвостам на сибирских гривнах⁷⁹, а скрепляющие их с головкой шарики напоминают такие же шарики между кольцами у гривны с реалистическими львиными головками на концах⁸⁰. К этому можно добавить, что трактовка деталей головы рубчатыми ободками имеется у маленькой сибирской гривны с фигурами лежащих зверей между двумя кольцами⁸¹. Указанные соответствия подтверждают вероятность предложенной выше датировки сибирских гривен с данными признаками III в. до н. э., но отнюдь не до-

⁷⁵ Там же, табл. IV, 3, 5.

⁷⁶ Там же, табл. IV, 1.

⁷⁷ См. стр. 17, 18.

⁷⁸ М. И. Ростовцев. Курганные находки..., табл. II, 1, 1а, 1б.

⁷⁹ Сибирская коллекция, табл. XI, 6; XII, 3.

⁸⁰ Там же, табл. XIII, 1.

⁸¹ Там же, табл. XVIII, 1.

казывают ни сибирского происхождения прохоровской гривны, ни даже создания ее по сибирскому образцу.

К III в. до н. э. мы отнесли гривны в виде оформленного астрагалами кольца с втулками из Казинского или Ставропольского клада⁸². Однако среди вещей этого клада имеются и другие гривны, носящие все признаки местного варварского производства. Одна из них, массивная с головками лошади на концах, сближается с рассмотренной гривной из I-го Прохоровского кургана. Для той и другой характерно воспроизведение псевдоскани и заполнение точками. Три гривны Казинского клада украшены по концам фигурками лежащего хищника с длинной зубастой мордой, когтистыми лапами и веревкообразным хвостом, в одном случае — на гривне с сомкнутыми концами — длинном, а в двух других — на гривнах в полтора оборота — в виде торчащего обрубка⁸³. Позами и схематической орнаментальной трактовкой эти фигурки хищников напоминают зверей на сибирских гривнах из полых колец с втулками⁸⁴, а стилистически особенно близко примыкают к сарматским изображениям из кости и бронзы, в которых повторяется один и тот же образ зубастого зверя с вытянутой мордой, как, например, из курганов Пятимары⁸⁵ или в вырезанной из кости фигурке зверя из кургана Черная гора у с. Абрамовки⁸⁶. Это сарматский волк, образ которого появляется еще в VI—V вв. до н. э. В стилизованных формах Казинского клада он может относиться к тому же времени, что и лев, грызущий голову какого-то животного на импортной гривне из того же комплекса⁸⁷. Сопоставление волков Казинского клада с фигурками хищников, помещенных по верхнему краю сибирской гривны из трех колец с орнаментальными поясами между ними⁸⁸, не только показывает существенное стилистическое различие тех и других, но и свидетельствует о сравнительно большой древности сибирской гривны, которую мы выше отнесли тоже к III в. до н. э.⁸⁹

Два золотых браслета с изображениями на концах происходят из разрушенного погребения у дер. Саламатина Волгоградской области. Один из них проволочный, спиральный из семи витков, украшенный фигурками козлов с плотно поджатыми передними и вытянутыми задними ногами, т. е. в положении прыжка⁹⁰. Тупорылая голова животного на вытянутой шее отделена псевдосканным пояском, глаза и ноздри обозначены углублениями, а рога в виде дуг с изогнутыми концами сделаны отдельно и напаяны. Сзади фигура заканчивается длинным хвостом с раздвоением на конце, тоже напаянным из изогнутой рубчатой проволоки. На туловище с четко выделенными плечами и бедрами врезаны ребра; кроме того, врезанной изогнутой линией отмечено каждое плечо. Вторым браслет из трех витков украшен бараньими головками с загнутыми вперед рогами. И здесь рот и нос обозначены углублениями, глаза полушаровидными выпуклостями, шерсть на шее — точками⁹¹.

Оба эти браслета напоминают некоторые произведения Сибирской коллекции и Амударьинского клада. Фигурками животных в положении прыжка украшались ручки сосудов и концы гривен и браслетов. Для примера напомним золотой браслет Амударьинского клада с прыгающими грифонами на концах⁹² и браслет из местности Дуздак, на котором пры-

⁸² См. стр. 14; Е. М. Придик. Новые кавказские клады, табл. VIII, 6, 7.

⁸³ Там же, табл. VII, 8; VIII, 4, 8—11.

⁸⁴ Сибирская коллекция, табл. XI, 6; XVIII, 1.

⁸⁵ К. Ф. Смирнов. Савроматы, рис. 79, 2—5.

⁸⁶ Там же, рис. 80, 8.

⁸⁷ Е. М. Придик. Новые кавказские клады, табл. VIII, 6, 7.

⁸⁸ Сибирская коллекция, табл. XVIII, 8.

⁸⁹ См. стр. 17, 18.

⁹⁰ М. И. Ростовцев. Курганные находки, табл. II, 6; И. Берхин. Сарматское погребение у с. Саламатина. СГЭ, XV, Л., 1959, стр. 39—41.

⁹¹ Там же, стр. 40.

⁹² O. M. Dalton. Ук. соч., табл. 1, 116.

гающим представлен фантастический волк⁹³. В Пазырыкских курганах такое положение придавалось животным в стремительном движении⁹⁴. Для сибирских изображений животных положение в прыжке не характерно, там обычно изображались не скачущие, а лежащие или ползущие звери. В Причерноморье, где чаще всего на концах гривен и браслетов помещался лежащий лев, он же изредка представлен в прыжке, но не с поджатыми, а с вытянутыми передними лапами, как, например, на браслете из Большой Близницы⁹⁵. Напаянные из проволоки рога и хвосты уже отмечались как у сибирских, так и сарматских произведений, раздвоенный хвост, как мы видели, появляется в Сибири на ранних памятниках, а дуги, спирали и другие фигуры на плечах и бедрах представляют собой традицию, восходящую к ахеменидскому искусству V в. Сходные с саламатинскими бараньи головки на концах браслетов можно указать и в Сибирской коллекции⁹⁶, и в Амударьинском кладе⁹⁷. Саламатинская находка датируется довольно неопределенно — I в. до н. э.—II в. н. э.⁹⁸ Однако, принимая во внимание сходство изображений на саламатинских браслетах с мотивами более раннего времени, их можно отнести по крайней мере ко II—I вв. до н. э.

Большой интерес вызывает золотой спиральный в три витка браслет, найденный В. П. Шиловым в разграбленном погребении у с. Верхнее Погромное на Нижней Волге⁹⁹. На концах его представлена сцена нападения хищника на оленя. Лежащий с плотно поджатыми ногами олень изображен с сильно вытянутой шеей и головой, на которой отчетливо выделены обведенные складками удлиненные глаза, губы приоткрытого рта с виднеющимися в нем зубами, прижатые к шее уши и лежащие на ней же рога удлинненно овальной формы в виде рамки с зигзагообразными отростками по верхнему краю. Передние ноги его с выступающими лопатками прижаты к шее, а задние с таким же образом выделенными бедрами протянуты под туловищем, на котором обозначены луновидные ребра. Верхние края плеч, бедер и хребет покрыты поперечными насечками, на ногах копыта с листовидными гнездами; треугольными гнездами отмечены плечи и бедра животного. Позади этого оленя изображена голова хищника, тоже, как и он, как бы вырезанная из дерева, с резко очерченными формами. В общем здесь представлена сцена, известная по ряду примеров в сибирском искусстве, где, впрочем, обычно изображается не преследующий, а пожирающий свою добычу зверь. Олень в пасти хищника на концах сибирского спирального браслета¹⁰⁰ очень похож на оленя из Верхнего Погромного, в частности у него совершенно так же оформленные рога, только более плотно прижатые к шее. Зато трактовка туловища пожирающего его хищника более орнаментальна, и оно, по сути дела, превращается в наконечник, какие встречаются у других гривен Сибирской коллекции¹⁰¹. Стилистически браслет из Верхнего Погромного сближается с произведениями Сибирской коллекции, относящимися к III—II вв. до н. э., и в силу этого, казалось бы, не может относиться к тому позднему времени, которым В. П. Шилов датирует погребение, из которого он происходит¹⁰². Но это вещь, восходящая не к сибирским, а к среднеазиатским образцам, так как трактовка животного условными геометрическими фигурами в Сибири бы-

⁹³ Сибирская коллекция, табл. X, 1.

⁹⁴ С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая, табл. XXXIV, 2, Л., XL, 2.

⁹⁵ Сокровища скифских курганов. Прага, 1966, табл. 279; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Ук. соч., 1, СПб., 1889, рис. 84.

⁹⁶ Сибирская коллекция, табл. VII, 4.

⁹⁷ O. M. Dalton. Ук. соч., табл. XVIII, 134; XIX, 133; XX, 132.

⁹⁸ И. Берхпн. Ук. соч., стр. 39.

⁹⁹ В. Ш и л о в. Погребения сарматской знати. I в. до н. э.—I в. н. э. Сообщения ГЭ, вып. IX, Л., 1956, стр. 44.

¹⁰⁰ Сибирская коллекция, табл. XI, 4.

¹⁰¹ Там же, табл. XI, 7; XVIII, 6, 7.

¹⁰² В. П. Ш и л о в. Ук. соч., стр. 45.

товала только в более раннее время, тогда как в иранском искусстве Средней Азии она сохранялась до поздней поры.

Несомненно, значительно более позднего времени браслеты из погребений, открытых В. П. Шиловым в Калиновском могильнике в Волгоградской области. По заключению автора раскопок, эти погребения хорошо датируются найденными в них импортными стеклянными и бронзовыми сосудами I в. до н. э.¹⁰³ Один из найденных там золотых браслетов согнут спиралью в восемь оборотов, а другой, вероятно такой же, но разломанный, связан из двух кусков¹⁰⁴. На концах того и другого изображена сцена, истолкованная В. П. Шиловым как нападение хищника на лосиху. Действительно, на них в очень схематизированном виде представлена голова животного с длинной шеей и прижатыми к ней передними ногами с выделенными лопатками, а за ней еще более схематизированная голова другого зверя с раскрытой пастью, заглатывающего первое животное. Из других частей второго зверя показан только хвост в виде змеевидно изогнутой проволоки, напаянной на стержень браслета. Этот мотив, как уже говорилось, хорошо известен в сибирском искусстве, однако ни в одном случае схематизация изображений в такого рода сценах в сибирских произведениях не заходит столь далеко, как на калиновских браслетах, где образ животного передается в самом общем виде, с полной утратой каких-либо видовых признаков. По характеру стилизации эти браслеты можно сравнивать только с одной сибирской гривной со схематическими головками животного на концах¹⁰⁵. Калиновские браслеты сильно отличаются от браслета из Верхнего Погромного, хотя там представлен тот же сюжет, что может служить веским доводом в пользу значительного хронологического разрыва между этими произведениями. Общим для браслетов из Калиновки и Саламатина являются напаянные из проволоки детали изображений, таких, как хвост или рога. Однако этот прием изображения встречается в Сибири еще на образцах IV—III вв. и не может быть основанием для датировки.

К сожалению, очень плохо был раскопан Курджипский курган в Майкопском районе Южного Прикубанья, в котором среди разнородных и разновременных находок имеется гривна с несомкнутыми концами, украшенными выполненными филигранью пальметками и цветными вставками, а также головками животного с удлиненной мордой, трактованной поперечными насечками, с круглыми глазами, прижатыми ушами и лирообразными рогами, дугами возвышающимися над головой¹⁰⁶. Своим схематизмом и напаянными из проволоки рогами эти головки существенно отличаются от того же рода, но более реалистических головок козлов и оленей на боспорских гривнах, но зато близко напоминают козлов на браслетах из Саламатина, что с учетом других находок в Курджипском кургане позволяет сближать их и в хронологическом отношении.

Подводя итоги сопоставления сибирских проволочных браслетов и гривен с произведениями того же рода из сарматских курганов, приходится признать, что вследствие недостаточной разработанности хронологии сарматских памятников, а главное ввиду хотя и параллельного сибирскому, но независимого от него развития сарматского ювелирного искусства это сравнение не дало существенных результатов и не привело к уточнению заключений, полученных путем типологического и стилистического анализа сибирских вещей. Сам по себе такой анализ, совершенно необходимый в качестве первого этапа исследования, не может привести к прочным выводам в отношении абсолютной хронологии. Поэтому предложенные выше датировки следует рассматривать как предварительные, подлежащие проверке и уточнению путем привлечения нового, сравнительного

¹⁰³ В. П. Ш и л о в. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959. стр. 454 сл.

¹⁰⁴ Там же, рис. 51.

¹⁰⁵ Сибирская коллекция, табл. XIV, 2, 3.

¹⁰⁶ ОАК за 1896 г. рис. 303.

материала. Кое-что в части уточнения датировки может еще дать сопоставление результатов изучения гривен и браслетов с заключениями, относящимися к другим категориям вещей Сибирской коллекции, что и будет сделано в других частях исследования.

M. I. Artamonov

«PROBLÈMES DE LA CHRONOLOGIE DES OBJETS EN OR SCYTHES
PROVENANT DE LA SIBÉRIE. TORQUES ET BRACELETS»

Résumé

La collection du Pierre Premier provenant de la Sibérie et conservée à l'Ermitage se compose des torques et bracelets de deux types: fabriqués de tiges ou bien de fils. Pour mettre les torques et bracelets du premier type, les parties de derrière de leurs anneaux pouvaient être désunies. Pour les rassembler, chez certains objets on utilisait les tampons de bois que l'on introduisait à l'intérieur des extrémités de leurs tiges. Chez les autres, c'étaient les charnières qu'on employait à ces fins. Ce dernier moyen d'assemblage n'est pas antérieur au IIIe siècle avant notre ère. Et sa large diffusion est signalée seulement à partir du IIe siècle avant notre ère. L'assemblage à l'aide des charnières est indispensable pour les torques à plusieurs rangées formées de tiges ou fils d'or qui étaient fréquents au Proche Orient. On les connaît d'après les trouvailles provenant des Kourganes du Bosphore. En Sibérie ces torques étaient reproduits sous forme de plusieurs anneaux intersoudés et surmontés d'un demi-anneau. Les bouts des torques composés de tiges en spirale ou de plusieurs anneaux étaient décorés des figures et des têtes d'animaux moulées séparément.

Dans la collection de Sibérie l'un des plus anciens est le torque fait d'un tige formant un cercle aux extrémités qui se superposent. L'objet est orné des figures sculptées des griffons à corps de lion abondamment parsemées d'enchâssements pour les incrustations. Le torque est d'origine achéménido-iranienne.

Dans les parties que se demontaient on se servait d'un tampon pour les affermir. Un autre torque, du même genre, était décoré à ses extrémités, des figures des lions couchés très blottis. Les figures semblables décorent les extrémités d'un torque composé de plusieurs rangées de fils qui remonte, paraît-il, à la même époque (les V—IV-es siècles avant notre ère) ou bien aux temps un peu plus postérieurs. Les torques sibériens les plus simples se composent d'un ou deux anneaux surmontés d'un demi-anneau, leurs parties désunissables sont jointes avec les tampons. Les figures des bêtes couchées ou bien leurs têtes qui décorent les bouts des demi-anneaux ne se distinguent pas stylistiquement de ceux des torques à plusieurs anneaux avec les charnières. Cela témoigne que, chronologiquement, ces parures sont proches. Les torques de ce type, munis de tampon, sont datés, dans les sépultures sibériennes et sarmates, des IV—III-es siècles avant notre ère; les torques aux charnières ne sont pas antérieurs au IIIe siècle avant notre ère.

Quant au bracelet composé de plusieurs rangées de fils décoré d'une scène représentant un fauve qui avale un cerf et des images d'autres animaux, il occupe, du point de vue de style, une place intermédiaire entre un bracelet en fils d'or ci-mentionné (dont les extrémités sont ornées des lions) et des bracelets et torques faits également en fils, aux images schématiques des bêtes. Le motif d'un fauve avalant sa proie est connu d'après les monuments achéménides et greco-scythes. Il se répète souvent sur d'autres bracelets sibériens ainsi que sur des bracelets et torques découverts dans les sépultures sarmates associées aux derniers siècles avant notre ère. Cependant les objets sarmates ont des affinités stylistiques aux monuments de l'Asie Moyenne et non pas à ceux de la Sibérie. Cela correspond au rôle de l'Asie Moyenne dans le développement de l'art en Sibérie, d'une part, et dans les régions attenantes à la Volga et aux Monts Oural, d'autre part.